

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Исповедь обманутой жены : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-109944-2

Все на свете лгут, считала Валерия. И причем небезосновательно. Ее предала лучшая подруга, долгое время обманывал муж Игорь. А она, глупая, продолжала им верить и надеяться, что это она все неправильно поняла. Пока, как в плохом анекдоте, не застала благоверного в постели с другой. Но даже после развода жизнь ее ничему не научила. Игорь снова обманул ее, лишил единственной жилплощади — комнаты в коммуналке, и если Лера не предпримет никаких мер, она останется на улице. Но бывший муж неожиданно исчез, а в его смерти обвинили неудачницу Леру...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109944-2

ШАВА 1

Все лгут! Почти все! Кто по мелочам дома, кто по-крупному с высоких трибун. Кто редко, кто каждый день. Но все, буквально все лгут. Ими считалось, что постоянное искажение действительности делает жизнь проще, оно раскрашивает ежедневные будни яркими красками, оно позволяет удерживаться на плаву. Делает соломинку, не позволяющую утонуть, размером с бревно. Но...

Но это же иллюзия! Это ведь тоже обман. Добровольный, ежедневный, скверный. И когда обман устанет играть им в помощь, наступит непереносимое отрезвление. За этим последует пустота, боль, одиночество.

Так она думала, разбирая на фрагменты свою семейную жизнь с Игорем. И даже жалея его — несчастного. Что-то с ним станет, когда она от него уйдет после того, как его ложь перестала быть ложью? Выкарабкается ли? Оправится ли от потрясения? Сможет ли существовать без нее, выдержит ли испытание одиночеством?

Господи! Какая же она дура! Дура, не желающая принимать условия жизни такими, какие

она диктует. А если не приняла, будь смята — конец цитаты.

Это Игорек высказался на прощание. И, сволочь такая, так оказался прав. Ее и в самом деле так подмяло! Так распластало, а потом скомкало! Что лучше бы она была гадиной, лживой, подлой, двуличной, продажной, чем той, какой она была.

— Овца, — прошептала Лера и трижды стукнулась лбом о стену, возле которой застыла. — Ты овца!

Это тоже было частью цитаты. Игорек много разных слов наговорил в ее адрес, когда она съезжала.

— Жила бы себе и жила рядышком с мужем, — поучал он, безучастно наблюдая за ее сборами. — Какая-никакая, а защита.

Утверждение было весьма спорным. Защищенной рядом с ним Валерия никогда себя не чувствовала. Но сочла за благо промолчать. Хотя и могла возразить.

Она часто оставалась одна в выходные и праздники. Игорек утверждал, что работает. Вечерами ее никто и никогда не забирал с работы. И пока у нее не было машины, приходилось торчать на остановках общественного транспорта. Мерзнуть, мокнуть под дождем, изнывать от летнего зноя. С покупкой личного автомобиля, на которую, к слову, Игорек не добавил ни рубля, все эти неудобства отступили. Осталось главное — одиночество. И какая же тут защищенность?

— У тебя был статус замужней дамы. А сейчас ты кто? Разведенка! Очень неприличное

слово. Очень! Хорошо еще, что не с ребенком на руках.

От ребенка Игорек ее заставил избавиться еще на первом году их совместной жизни. Говорил, что они еще успеют.

Не успели...

Его чудовищный уродливый обман вскрылся неожиданно — ей пришлось заехать домой за забытыми служебными документами, а в ее кровати другая женщина. Впрочем, как уверяла ее подруга, так всегда и происходит с обманутыми верными женами. Все происходит для них внезапно, неожиданно, как гром среди ясного неба. Они же, со слов подруги, никакой симптоматики замечать не желают. Они — верные жены — думают, что у них все замечательно. И верят любому вранью. Их убаюкивают изысканной ложью день за днем. Им ласково дуют в уши, усыпляя бдительность. Оттого пробуждение и бывает таким болезненным.

— Ты знаешь, дорогая моя, врут тем, кто жаждет быть обманутым, — морщила лицо, как от зубной боли, ее любимая подруга Саша. — Тем, кто не желает знать правду.

— А другим, можно подумать, не врут, — пыталась Валерия возразить.

— Тоже врут, — вздыхала Саша, соглашась. — Но делать это бывает сложнее. Велик риск попасться. Это нервирует. И сам факт обмана, запрета, перестает быть сладостным. Я знаю, что говорю. Я через это прошла.

Саша, да, она знала, что говорит. Она едва не потеряла своего мужа из-за его новой моло-

дой коллеги, вознамерившейся нацелиться на симпатичного начальника отдела. Битва была не на жизнь, а на смерть. Саша едва отстояла Алекса.

Но едва не считается. Не потеряла же. Семья цела. И квартиру никто не делил. И дачу. И сбережения. Все не так, как вышло у нее — у Валерии. У нее как раз все и поделилось. В результате из совместно нажитой двухкомнатной квартиры она съехала в коммуналку. Дача досталась Игорю, потому что каким-то образом оказалась оформленной на его тетку. А выделенной ей части сбережений хватило лишь на переезд.

Все было нечестно. Но биться за метры и рубли, барахтаясь еще в одной зловонной луже из вранья и подлости, она не пожелала.

— Дура ты, Лера. Ох и дура, — вздыхала Саша, помогая расставлять по полкам ее библиотеку. — Хорошо еще, что комната тебе досталась замечательная. Просторная. Окно большое, балкон огромный, вид на набережную. А если бы клоповник какой-нибудь, что тогда?

Клоповник ей не достался. Это было уже хорошо.

Каким-то чудом ее Игорю удалось оформить странный двойной обмен, результатом которого он так и остался жить в их двухкомнатной квартире, а она переехала в «сталинку» на проспекте. Квартира состояла из двух комнат. Одна была пока заперта. Лера не знала, кто там живет. Вторая комната почти в тридцать

квадратов досталась ей. Еще имелась огромная прихожая. Большущая кухня. Туалет и ванная. Все содержалось в относительном порядке. И никакой переделки общественные точки не требовали. А в ее комнате они с Сашкой тут же затеяли ремонт. Активно помогал Сашин муж. Он все еще чувствовал себя виноватым, что едва не оступился, едва не изменил своей жене. И поэтому готов был служить верой и правдой.

Так вот, в три пары рук, они из ее тридцатиметровой комнаты соорудили и гостиную, и спальню, разместив ее под потолком, благо до него от пола было почти четыре метра.

Вышло бюджетно, но стильно, чисто, уютно.

— Обживайся теперь, Лерусик, — целовала ее на новоселье Сашка. — И будь уже наконец счастлива!

— Да... Знать бы еще, что для этого нужно, — вздыхала она в ответ.

— Для этого просто не надо быть дурой. И все!

— А как? — тарщила Лера на подругу хмельные глаза.

— Не позволяй себя обманывать, — учила Саша. — Не верь людям.

— И тебе тоже?

— И мне... Может быть, и мне...

Не верить Сашке Лера не могла. Она ее любила. И даже думать не хотела, что та ее способна обмануть.

А она оказалась способна! И как! И еще как!

— Саша, ты?! Это ты?!

Встреча была случайной. Они не должны были встретиться именно в этом месте именно в это время. Валерия совсем не собиралась за город в выходные. Коллеги соблазнили выступлением ее любимого певца, смешными ценами за проживание и питание. И еще очень не хотелось в выходные торчать в комнате в одиночестве. И она, выкупив путевку, поехала.

И тем же вечером в ресторане, где выступал ее любимый певец, она встретила любимую подругу Сашу.

С любовником!

— Как же так, Саша?

Лере было так обидно, так горько от Сашкиного обмана, что она даже расплакалась.

— Ну, ты чего, дуреха? — попыталась та ее утешить. — Так расстраиваешься, будто я тебе изменила.

— Почти, — всхлипывала Лера. — Как же так можно, Саша?! Ты шпионила за Алексом. Ты превратила его жизнь в кошмар, отслеживая его звонки, сообщения. Ты растоптала девушку, с которой он даже не переспал. Которая просто на него глаз положила. А сама...

— Ох, Лерка, ну какая же ты все-таки дурочка, — неуверенно улыбнулась подруга и погладила Леру по щеке. — Ты что, правда поверила, что он с ней не спал?

— А разве?..

— Да, милая. Да. Сто раз да. И еще как да. Я выследила их на съемной квартире. Устрои-

ла сцену. Алекс в ногах валялся. Просил не рушить все. Тебя в пример приводил.

— А я что?

— Вот, мол, твоя подруга пошла до конца, и что получилось.

— А что получилось?

У Леры гудело в голове от громкой музыки оркестра. От потока грязной информации. От противных Сашкиных откровений.

— Получилось то, что ты кругом проиграла, Лерка. — Саша обняла ее, погладила по голове. — Учит тебя жизнь, учит.

— погоди. погоди, Шурочка. Ты его простила? Алекса?

— Еще чего! — фыркнула со злостью Саша. — Разве такое прощают? Нет, конечно. Я просто приспособилась. Я приняла его условия. И мы зажили каждый своей жизнью. Одной семьей, но каждый своей жизнью.

— Но это же... — Лера потерла щеки, зажмурилась. Произнесла шепотом: — Но это же фальшь, Саша! Фальшь и притворство.

— Это просто жизнь, Лера. Такая, какая она есть. И не фиг тут мне лекции читать, моралистка! У нас с Алексом двое детей. Предлагаешь мне им каждые пару лет папу менять?

— Почему? Почему так часто? — задала она идиотский вопрос.

И Сашка даже рассмеялась.

— Потому что больше не выдержу. Чужого человека при моих детях не выдержу дольше двух лет. И одна быть не хочу. Поняла? Поняла прозу жизни, Лера?

И ушла, оставив ее в одиночестве. Ушла с любовником, отношения с которым благословил ее супруг.

Тьфу! Гадость какая!

На Сашку она потом дулась пару месяцев. На звонки, конечно, отвечала, но от встреч и совместного отдыха на их семейной даче отказывалась. Жить стало совсем скучно, и временами делалось так горько, что она тихонько плакала, утыкаясь носом в подушку на своей кровати под потолком.

И вдруг однажды, под самый конец осени, к ней в гости пожаловал Игорек. Без звонка, без договоренностей. Просто позвонил в дверь. И вошел в просторную прихожую.

— Привет, — поздоровался он, заходя. — Как дела?

— Ты явился, чтобы спросить?

Смотреть на него ей было очень неприятно. Игорек, в отличие от нее, выглядел превосходно, дорого, молодо. Она в своем домашнем трикотажном костюме, который следовало выбросить еще год назад, рядом с ним казалась самой себе просто пастушкой. К тому же волосы не стала мыть, потому что не собиралась никуда выходить. Сцепила их заколкой на макушке. Глаза не накрашены. А ресницы у нее, хоть и длинные и пушистые, были русыми. Под трикотажной кофтой не было лифчика, и грудь едва угадывалась.

Странные мысли, да? Зачем они ее посетили? Она с Игорем в разводе почти год. Живут отдельно более полугода. Почти столько же не виделись. А она о ненакрашенных ресницах парится. Дура и есть!

— Неважно выглядишь, — произнес он со скверной ухмылкой.

Игорек снял с себя модную спортивную куртку. Стащил с ног туфли, заметив ее красноречивый взгляд. Она час назад только пол вымыла. И пошел гулять по квартире.

— А ты неплохо устроилась, дорогая Лера, — констатировал он, осмотрев все, кроме запертой комнаты. — Когда я устраивал этот обмен, я даже представить себе не мог, что квартира так хороша. Даже много лучше той, которую ты покинула. Может, махнемся, а?

— Нет.

Лера сцепила руки перед грудью. Ей очень хотелось немедленно переодеться. Вымыть или хотя бы расчесать волосы. Пройтись щеточкой туши по ресницам. Усадить этого павлина за обеденный стол и угостить тыквенным пирогом. Она его только что достала из духовки. Он вышел потрясающим.

Очень хотелось удивить Игорька. Зачем? Не очень было понятно даже ей самой.

— Значит, меняться не хочешь?

Он сам, без приглашения, полез за ее обеденный стол, странно, угадав безошибочно, который из двух столов в этой кухне именно ее.

— Нет.

— А и ладно. Я и сам не стал бы. Сюда денег надо вложить много, чтобы до ума эту квартиру довести. Это я так... Пошутил. Ладно, давай уже чай подавай. Что-то испекла, чую. Пахнет даже на лестничной клетке.

Ее тыквенный пирог Игорю очень понравился. Нахваливал не уставая. И даже снизошел до комплимента в ее адрес.

— Неплохо выглядишь, Лера. Даже в таком вот домашнем виде. Совсем неплохо. Свежо, естественно. Молодец.

И она покраснела. Ужас! Будто его комплимент ей понравился. А ей плевать было на его комплименты. Почти плевать.

Игорек ее неожиданный румянец понял как надо. И даже попытался затащить ее в постель. За что получил по физиономии.

— Кошка, — потер он щеку с недовольной гримасой. — Для кого себя бережешь? Для соседа?

— Не твое дело! — фыркнула она.

А про себя подумала, что ее соседом вполне может оказаться женщина. Милая, тихая, пожилая, без родственников. Она сейчас где-то на даче. С наступлением холодов вернется. И они станут нормально сосуществовать на общей кухне, угощая друг друга выпечкой и мудреными рецептами салатов. Будут жить без конфликтов. Без ругани. Тихо, мирно, славно.

— Ну-ну... Бывай, дорогая. — Игорек оделся, обулся, повертелся перед зеркалом. — Если что, звони.

— Забудь, Игорь. — Лера сердито свела брови. — Забудь меня. Звонить я тебе не буду. Ни — если что, ни без этого. Уходи.

— Ой! — Он скроил противную физиономию. — Только вот давай не зарекайся. Еще, может, прибежишь ко мне.

— Зачем?

— Помощи просить.

— Помощи? — ахнула Лера. — Ты будешь последним человеком на земле, кого я попрошу о помощи.

— А может, я им для тебя и буду, Лера, — и он забыто щелкнул ее по носу. — Самым последним человеком на земле, готовым тебе помочь...

И снова эта сволочь оказалась права на сто процентов. Будто у него где-то имелся тайный колодец, заглядывая в который он видел все про всех. И про нее там все увидел. Или угадал. Снова угадал.

Конечно, она не просила пока у него помощи. И все еще держала в душе оборону, но позиции сдавала день ото дня. Нервы, силы, терпение, все было на исходе. Она понимала, что еще немного, вот-вот, и она сдастся. Она не выдержит. И попросит у Игоря помощи. И примет все его условия. И согласится переехать.

Потому что две недели назад у нее появился сосед. И соседом не была тихая, одинокая, пожилая женщина, мастерски готовившая салаты. Им оказалось мерзкое, постоянно пьяное создание, без конца оравшее песни и водившее в гости толпы собутыльников. Это создание гадило в местах общего пользования, превратило общую кухню в свалку. Оно принялось воровать продукты из ее холодильника, и Лера спешно перетащила холодильник в комнату. Потом место там заняла и ее кухонная мебель с посудой, потому что сосед счел, что все, что стоит в кухне, принадлежит и ему тоже.